

1657

ЦЕНА 2р. 50к.

ММ — 7

Всесоюзная
Библиотека
Ленина

1936

3046

ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЗБЕКИСТАН

VI 41
— 42

**КНИГА
СЕДЬМАЯ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УЗ ССР
ТАШКЕНТ 1936

КАК МУЛЛЫ ГУСЯ ВАРИЛИ.

(Сказка)

Давно когда-то, в старину сидели два муллы около мечети. Шел мимо них охотник и нес с собой гуся.

— Как бы нам скушать у охотника этого гуся? — сказал один мулла другому.

Они окликнули охотника, тот подошел. Муллы стали просить у охотника гуся.

— Хорошо, бери, вместе будем есть, — сказал охотник и отдал им свою добычу.

Муллы взяли гуся и начали варить. Когда гусь сварился, муллы стали договариваться:

— Давайте ляжем спать, кто увидит самый лучший сон, тот и съест гуся.

Вот все трое легли спать. Когда муллы уснули, охотник встал потихоньку и съел гуся с похлебкой. Муллы проснулись и спрашивают друг друга:

— Ты что видел?

— А ты?

— Я видел, — говорит один мулла, — будто бы я возношусь на небо.

— А ты что видел?

— Я, — отвечает другой мулла, — заснул и вижу, будто бы я еду по морю.

— Что же ты видел?, — спросили тогда охотника.

Охотник и говорит:

— А я вижу: ты улетел на небо, а ты уплыл в море, думаю, пока вы вернетесь, пропадет гусь понапрасну, взял да и съел.

Рассказал Курбанбай Ходжинияз Огль из кишлака Юкары Уйгур Дурменского сельсовета Ургенчского района УзССР. Записал Газы Алим.

Перевод с узбекского
С. ПАЛАСТРОВА.

(Из материалов Узб. научно-исследовательского института литературы и языка).

КИРГИЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Е. ПОЛИВАНОВ

Киргизская литература обязана своим созданием Октябрьской революции, так как до нее существовало лишь 3—4 книги киргизских авторов (относящихся к периоду 1905 — 1910 гг.), которые к тому же были написаны не на чисто киргизском языке, а на киргизской версии чагатайского литературного языка. Первой из них была издана в Казани «История Киргизии» Осман-Али Сыдыкова, после событий 1905 года, выдержанная в духе буржуазного национализма и повествующая не о судьбах трудящихся масс киргизского народа, а лишь о жизни и деяниях аристократических главарей его из ханских и манапских родов — главным образом из «царского» киргизского рода Шабдановых.

Вторая книга того же автора — «История Шабдановых» — уже самим заглавием своим указывает на то, что для Сыдыкова было центральной темой киргизской истории.

Вышеназванные книги обслуживали исключительно буржуазно-интеллигентскую прослойку киргизов из манапских и байских родов. В качестве третьей дореволюционной книги заслуживает упоминания

«Землетрясение» (Зильзиде) — сборник стихотворений народного поэта Кылыча — на разнообразные, преимущественно дидактические темы. Прочие же народные поэты этого периода — Арыстанбек, Токтогул и другие — не печатались, фрагменты их произведений были напечатаны лишь после революции.

Не могла не отразиться в поэзии народных поэтов горькая юдоль киргизского народа, на которую обрек его царизм и феодализм. И у Токтогула, и у Арыстанбека, и у Кылыча, как и в творчестве тех народных поэтов, имена которых не дошли до нас, неоднократно повторяется мысль о том, что «лучше встретить смерть, чем терпеть то, что вынужден был терпеть киргизский народ под игмом баев, манапов и самодержавия».

Вот отрывок, принадлежащий поэту дореволюционной эпохи:

В кандалы меня сковали
Слуги злых насильников.
Сто пинков мне надавали,
Сорок подзатыльников.
И теперь сижу в тюрьме я,
Как на дне колодца...
Чем страдать здесь в подземельи,
Лучше заколоться.
Над народом нависает
Небывалый гнет,
Не живет, а прозябает

Наш народ.
Чем несносные мученья
Без конца терпеть,
Лучше было бы в стражени
Умереть.

В стихах дореволюционного народного поэта и Арыстанбека, в которых говорится, о байской кабале, а не только о колониальном гнете самодержавия:

Под гнетом рабства и мучений,
Как в паутине, наш народ
Звериных байских оскорблений
Печать кровавую несет.
Придет ли день, когда громада
Нависших над народом туч
Исчезнет, и когда с отрадой
Блеснет нам воли светлый луч.

Как мы видим из этих строк, не находя себе выхода в современной ему дореволюционной действительности, народный поэт ждал «воли светлого луча» от будущего, как правильно было его предчувствие освобождения.

На ряду с подобными поисками светлого, свободного будущего, дореволюционное народное творчество обращало свои взоры и в область прошлого: там, в прошлом, рисовалась поэту любимая им воля, об утрате которой он мог только скорбеть в окружавшем его мраке «настоящего»:

Нет у нас свободы прежних дней,
Нет у нас былых времен богатырей,
Нищета и боль остались нам в удел,
Гордо певший вольный лебедь улетел,
Птица счастья навсегда скрылась из глаз.
Для киргизского народа свет погас.

В числе «гражданских» мотивов дореволюционного творчества народных поэтов и поэтесс мы находим — как этого и должны были ожидать — тему раскрепощения женщины. По крайней мере, отважный и убежденный протест против узаконенного шариатом женского бесправия содержится в общеизвестной «Песне Миоры». Вот ее первые строки:

Шариат гласит, что можно
На баранов дев менять:
Они слишком ведь ничтожны,
Чтоб собою управлять!..
И отец мой меня продал:

Разрешил ведь шариат,
С ненавистным мне уродом
Жизнь будет словно ад!
Бич киргизского народа —
Прокляла я шариат!¹

Несомненно, весьма крупный интерес представляет для историка литературы эта — предреволюционная эпоха творчества киргизских народных поэтов. Интересной ее особенностью является, между прочим, именно то, что творчество поэтов, имена которых закрепляются за их произведением, только начинает прокладывать себе дорогу посреди массового безыменного творчества — фольклора.

Предреволюционная эпоха киргизской литературы еще ждет своего исследования. Если же мы будем говорить о литературно-историческом исследовании всего того (и фольклорного, и литературного в узком смысле) наследия, которое дошло до нас от дореволюционного прошлого киргизского народа, то тут понадобится, конечно, не один исследователь, а целая группа их.

Ведь один перечень различных видов (или жанров) устного народного творчества киргизов занимает собою целую обширную тетрадь! И если мы, допустим, остановились бы на одном пункте — на таком даже, казалось бы, второстепенном виде устного народного творчества, как пословицы, — то и тут у нас хватило бы материала (при том материала уже записанного!) на капитальную исследовательскую монографию. В собрании пословиц, которых собирателем г. Мифтаховым записано около четырех с половиной тысяч, мы найдем пословицы, характерные для бедняцких и середняцких слоев киргизского дехканства. Взять хотя бы в качестве примера две пословицы, темой которых служит земля (как объект землевладения). «И для великих, и для малых великая земля — широкая земля» — таков буквальный перевод первой

¹ Образцы даны в переводе Е. Поливанова.

пословицы. Смысл ее тот, что землей пользоваться может всякий: земля ничья! Здесь явно чувствуется глубокая старина: народ, создавший эту пословицу, смотрел на землю еще глазами первобытного коммунизма; собственность на землю была еще чужда для тех, кто создал и кто применял в своем языковом быту эту пословицу.

Вторая пословица: «У земли силы больше, чем у людей». Трудно сразу догадаться о реальном смысле этой пословицы. Пословица эта говорит: иметь много людей — это хорошо, это — сила; род или племя, состоявшие из большого числа людей, этим именно и сильны. По крайней мере, так обстояло дело в примитивные эпохи киргизской истории, когда сила кочевого племени (или рода) измерялась просто его численностью: но наступают новые времена — новая экономическая эпоха: выдвигается новая сила — землевладение; богатство рода или племени перестает зависеть от одного только числа душ — богатство стало определяться количеством земли, которым этот род владеет.

Перед нами две пословицы двух различных эпох, идущие от двух различных общественных формаций: перед нами два различных, в социально-историческом отношении, взгляда на землю.

В сокровищнице устного киргизского творчества первое место занимает героический народный эпос. Народное произведение «Манас» по объему своему является самым крупным в мире произведением народного эпоса. Только одна из записанных собирателем версий «Манаса» содержит в себе более 240000 стихов.

Повествуя о жизни, борьбе за власть и походах центрального героя — псевдоисторического киргизского хана Манаса (а в последней своей части, иногда выделяемой на правах самостоятельной эпопеи) — о сыне Манаса, хане Семетее) эпос этот является ценнейшим памятником периода степ-

ного феодализма, военную аристократию которого он, первоначально, и предназначен был обслуживать.

События, о которых повествует эта «киргизская Илиада» («Манас»), не подтверждаются никакими историческими источниками, и даже само существование киргизского хана «Манаса» не засвидетельствовано ни в каких письменных источниках. Но если мы примем во внимание, что в состав киргизского национального коллектива неоднократно вливались и народные (в том числе монгольские) элементы, то нам позволительно будет высказать гипотезу о сложно эклектической формации образа Манаса: в цикл сказаний о киргизском хане могли войти и (перенесенные на него) подвиги Чингиса и других фактически существовавших героев эпопей других национальностей. И с этой точки зрения мы уже можем видеть в фабуле «Манаса» — в том числе и заведомо неисторических ее событиях — преломленные отражения некоторых действительных исторических фактов. Ни один из киргизских ханов не брал северной китайской столицы — Бейджана (Пекина), следовательно, весь «Великий поход» Манаса на Бейджин — псевдоисторичен. Но монголы (как и некоторые другие кочевые северо-восточные азиатские народности) действительно осуществили победоносный поход на Пекин, отражением чего, может быть, и является «Великий поход» киргизского Манаса.

Исполнители «Манаса» — сказители профессионалы («манасчи» по киргизски), бывшие сначала «придворными рапсодами» ханов и их дружинников, в лице хана Манаса создали типовой и идеальный образ военнофеодальной среды.

Впоследствии, с изменением социального строя киргизов, новые поколения «манасчи» стали обслуживать экономическую верхушку манапско-байской аристократии, и таким образом эпос этот никогда не утрачивал своего классового

назначения, и было бы ошибкой рассматривать его, как «общенародное творчество», как отражение культурной истории и идеологии «всего киргизского народа».

В настоящее время во всей Киргизии не найдется и десяти сказителей-профессионалов, которые могли бы пропеть весь сюжет «Манаса», и поэтому для сохранения этого памятника народного творчества необходимо было записать возможно более полный текст его. Это и было выполнено в последние десятилетия: записаны версии двух сказителей (Сагинбаева и Каралаева), по которым и подготавливается в настоящее время издание как киргизского текста, так и русского тоже (стихотворного) перевода «Манаса».

До настоящего же времени опубликованы были лишь относительно небольшие фрагменты «Манаса» — в «Образцах народной литературы турецких племен» В. В. Радлова (с приложением перевода) и в венгерском научном журнале.¹

Формальная техника манасовского стиха (как, между прочим, и других образцов киргизской народной поэзии) чрезвычайно богата: почти во всех местах текста строго выдерживаемые семи и восьмисложные размеры, состоящие из определенных сочетаний ямба и анапеста, сопровождаются и рифмой, и аллитерацией (причем канонизированным приемом является т. н. «внешняя» аллитерация); «вольной», да и то лишь в известной степени «вольной», оказывает, таким образом, лишь строфика «Манаса», что вполне соответствует повествовательно-драматическому содержанию и размерам эпоса.

Приводим здесь конец первого раздела и начало второго раздела 1 главы «Великого похода» («Похода богатыря Манаса на Бейджин (Пекин) великий»).

¹ Отрывки из «Манаса» «Великий поход» напечатаны во 2-й и 4-й книгах «Литературный Узбекистан» за 1936 год.

Так тризна кончилась. Мы зрим,
Что всякий взыскан был судьбою
По обстоятельствам своим:
Кто всей душою рвался к бою,
А кто хотел покончить миром,
Кто просто наслаждался пиром,
Кто ход событий наблюдал,
Кто песни пел, а кто вздыхал.

Прошел с весны истекший год:
Двенадцать месяцев сполна,
Идет гусиный перелет,
Настала новая весна.
С новопришедшею весною
Немало знатных стариков
И их сынов пришло к Кошою —
Из тех, кто слыл за мудрецов.
У них с Кошоем нету тайн,
Их разговор с Кошоем храбр:
Киргиз словам своим хозяин.
Но обещаньям верный раб.
Коль слово сказано: «война»,
Киргиз рискует головою,
Его душа огнем полна.
Он всей душою рвется к бою.
Когда ведет киргиза месть,
Его никто не остановит,
Он иль умрет, иль восстановит
Свою поруганную честь.
Пока народ наш был готов
К войне, нас всюду уважали:
«Киргизы сорока родов» —
Так нас повсюду называли.
В богатстве, в счастье жили мы.
И на «джайлоо» выгоняли
Без счету скот в конце зимы,
И в счастье бога прославляли.
Упорно достигали цели,
Киргиз к сраженьям был готов.
Теперь же все мы обеднели:
«Киргизы девяти родов» —
Вот, как теперь нас называют
Враги, соседи и друзья,
И с каждым днем оскудевает
Киргизов тесная семья.
Прошел с тех пор, должно быть, год,
Как нами был переворот
Замышлен. Знаешь сам, что нас
Жестоко оскорбил Манас.
И надо было нам в бою
Иль голову сложить свою,
Или Манаса победить.
И ты клялся руководить...
«Не время!» — ты сказал тогда нам.
Тебя признавши атаманом,
Мы молча вверились тебе,
Хоть каждый среди нас скорбел
О том, что мщенья час не близок.
Где ж слово, данное киргизом?!
Обеты, данные тобой,
Зачем нарушил ты, Кошой?!
Четырнадцать киргизских беков,
Кошою бросивши упрек,
Услышали такой урок:

«Быть хладнокровным человеком —
Вот самый первый вам совет,
Уймите бурное волнение...
Потом вы примете решение,
Увидя — прав я или нет.
Вы говорите: обещанье
Разбить Манаса я вам дал...
Но он ведь не мое создание,
Манаса ведь сам бог создал!...»

Богатый поток коллективного эпического творчества не иссяк, а еще более вырос в настоящее время: отживают старые темы, но на их места приходят новые, способные стать содержанием новых — уже революционных народных эпосов.

Образцом такой эпопеи послереволюционного периода может служить «Песня об убитых коммунистах», из которой мы приводим следующий отрывок:

Вы, друзья, опорой крепкой были,
На врагов кидались коршуном...
Стройные ряды создав, развили
Стойкость в бедняках, сияя им луной...
Вы врагам смертельным ядом были,
Ваша смерть нам горе принесла,
Для врагов же зрелищем служила,
Но врагов от смерти не спасла!
Знают все: от армамаков славных
Родятся дундулы¹; быстрые, как вихрь...
Так и вы — от предков ваших храбрых
Унаследовали пыл и храбрость их!
Вас оденем в погребальные халаты,
На халатах заклеяса кровь...
Но взамен безвременной утраты
Пусть же крепнет поколение бедняков!
А убийцам злым не миновать расплаты —
На смерть осудили мы врагов!
От убийства выгоды прямой манасы
Ждали,
Обложившие народ кабальной данью.
Те же, кто примкнул к ним по
Незнанию,
Только лошадей своих загнали,
Кто бьет врага, того за это
Мы будем чтить из рода в род...
А кто вредит советам, —
Пусть умрет!

Начальной датой киргизской письменной литературы на настоящем киргизском языке (а не киргизской версии чагатайского литературного языка) можно считать выход № 1 газеты «Эркин Тоо»

¹ Дундулы — быстроходные жеребцы.

(«Свободные горы») — 7 ноября 1924 года. Это было, в то время, и началом полиграфического применения нового киргизского алфавита (т. н. «Арабаевского алфавита»), представлявшего собою произведенное по казахскому образцу приспособление арабского письма к звукам киргизского языка.

Но первый период советской литературы оказался под значительным влиянием классово-чуждых буржуазно-националистических киргизских писателей, действовавших, между прочим, в полном контакте с литературным лагерем казахской буржуазной интеллигенции.

Причину этого мы должны видеть в том обстоятельстве, что в первые годы революции у киргизов почти не было интеллигентов из трудовой среды: получать образование в царское время могли только ханские, манапские и байские сыновья; эти лица с первых лет революции пытались всячески содействовать тому, чтобы интеллигентские кадры пополнялись из родственной им классовой среды.

В самом начале рассматриваемого нами первого (после 1924 г.) периода киргизской литературы у писателей буржуазно-националистического лагеря усматриваются попытки «воспринять» революцию с тем условием, чтобы эта революция развязала бы руки «восстановителям киргизского ханства» и такой «революции» буржуазно-националистические писатели готовы были бы изъять свою признательность.

Но подобные иллюзии быстро рушились: националистический лагерь скоро стал понимать, что его пути и цели решительно расходятся с советской властью и что он неизбежно должен стать во враждебные отношения к последней. Поэтому большинство произведений данного периода буржуазно-националистических писателей носит явно антисоветский характер.

Наиболее богато представлена у националистических писателей этого периода лирика: в небольших

«задушевных» стихотворениях высказывалось их отношение к окружающей их революционной советской действительности.

Лейтмотивами их поэзии служат: сожаление о прошлом киргизского народа, идеализация этого прошлого, восхваление богатства и счастливой вольной жизни скотоводческих баев, надежда — или, наоборот, разочарование в надежде — на то, что можно будет повернуть историю вспять и возродить былое байство и манапское счастье.

Эта «поэзия», несколько не смущаясь, подчеркивала, что «прекрасное старое время», о возвращении которого мечтали буржуазно-националистические поэты (Тыныстанов и др.), было прекрасным именно для богатей.

Ограничимся здесь примером из «Джангил-Мирза» К. Тыныстанова¹:

По склонам Алатау резвился вольный ветер,
С ним взапуски гонялся вольный наш киргиз...

Богач с женой, при ярком солнца свете,
Вкушая счастье, с радостью сжились.
Их правосудье бия охраняло,
И суд свой бий вершил на бархатном джайлау.

Но биев благородных уж не стало,
И сединой покрылся Алатау!..

Когда первые иллюзии-попытки «воспринять» революцию, сделав ее орудием для возрождения киргизского ханства, были изжиты, националистические поэты начинают горько сетовать и жаловаться на настоящее, и наоборот: идеализируя прошлое, стремятся увлечь своих читателей в былые эпохи господства ханов, манапов и баев.

Таковы темы стихотворений: «Джангил-Мирза», «Обращение к Алашу», «Соратнику», «Могила Манаса», «Спрашивай, мой друг, спрашивай»... и т. д.

Представители противоположного направления, выдвинутые трудовой средой киргизского народа, довольно быстро завоевывают себе место на литературной арене.

Центральной фигурой киргизской советской литературы является поэт Али Токомбаев, фактически возглавивший натиск молодых сил новой социальной формации на господствовавших в киргизской литературе буржуазных националистов. Токомбаев в настоящее время возглавляет Союз советских писателей Киргизии.

В лице Токомбаева появляется один из первых представителей бедняцкой трудовой интеллигенции киргизского народа, выходец из рядов аульного пролетариата, для которого путь на литературную арену был заслонен не только в царское время, но и в первые годы его творчества, буржуазными националистами.

Родился Али Токомбаев в 1904 году. Ему было 12 лет, когда на его глазах в Киргизии разыгрались кровавые события 1916 г., оставившие неизгладимое впечатление у поэта и трагическим образом преломившие его личную и семейную жизнь.

Когда восстание киргизских трудящихся масс, направленное и против российского самодержавия, и против местных, своих эксплуататоров — баев и манапов, было подавлено, отцу Токомбаева пришлось вместе с семьей эмигрировать в Китай. Это было бегство вконец разоренных изгнанников, которым и на чужбине пришлось испытать много тяжелого. А на обратном пути отец Токомбаева умер, о чем писатель рассказывает следующими словами: «Когда семья наша подошла к Кочкорке, мой отец скончался от голода и болезни, и труп его должен был остаться без похорон, возле дороги. Смерть отца оставила в моем сердце неизгладимый след — точно тамга, приложенная на камень».

Будучи очевидцем восстания 1916 г. как раз в том юном возрасте, когда фиксируются и оседают в памяти уже на всю жизнь события окружающей действительности, поэт тем самым сросся с киргизским восстанием 1916 г., как с ли-

тературной темой, и в настоящее время его творчество характеризуется прежде всего разработкой этой темы: в историю киргизской литературы он войдет именно как автор огромного эпического полотна, носящего заглавие: «Кровавый 1916 год».

В течение нескольких лет после смерти отца Токомбаев работал батраком, и, наконец, в 1922 г. поступает в Ташкентскую совпартшколу, а уже через год — в 1923 г. — начинает свою литературную деятельность и еще через год печатает свое стихотворение в №1 «Эркин Тоо» (в 1924 г.), после чего выступает и с критической статьей против буржуазно-националистической литературной группы «Ур Токмак».

После окончания совпартшколы Токомбаев поступает в Среднеазиатский коммунистический университет (САКУ) и таким образом, к своему возвращению в Киргизию, получает необходимую для публицистической работы теоретическую подготовку.

Первым сборником стихов А. Токомбаева были «Песни о Ленине», затем следуют: «Зеркало женщины» («Аялдар Айнеги»), где поэт призывает свой родной народ к раскрепощению женщин, к борьбе с калымом и многоженством, и «Цветы труда» — сборник стихотворений весьма широкого тематического охвата.

Киргизский советский поэт пишет и на интернациональные темы, например, «Пленник Марат» («Туткун-Марат»). Ряд стихотворений у него посвящен героизму современных революционеров Запада, отдающих свою жизнь и томящихся в фашистских тюрьмах за международное дело рабочего класса.

И наконец, главнейшее и крупнейшее произведение А. Токомбаева — как уже сказано — эпопея (или «Роман в стихах») под заглавием: «Кровавый 1916 год». Работа эта появилась в печати еще не полностью, но из того, что вышло в свет, можно вполне убедиться в художественных достоинствах, широте и глубине охваченной в этом

эпосе темы и звучном, свободно льющемся стихе, представляющем собою талантливые перепевы киргизских народных стихотворных размеров.

Выступление А. Токомбаева на литературную арену хронологически совпадает с началом советской киргизской литературы, ибо первое стихотворение Токомбаева «Пора Октября» было напечатано в первом номере газеты «Эркин Тоо» в 1924 году. Но с этого момента до того времени, когда возглавляемая Токомбаевым пролетарская группа писателей занимает прочное положение в киргизской литературе, проходит еще ряд лет, которые можно разделить на два периода: 1) период засилия националистически-буржуазного литературного лагеря, вожаком которого был К. Тыныстанов, и 2) начинающийся с 1927 г., с образования организации пролетарских писателей под названием «Кзыл Учкун» — «Красная Искра» период ожесточенной борьбы против возглавлявшегося К. Тыныстановым буржуазного фронта литературы.

Как и в «Кзыл Учкуне» («Красной Искре»), так и в сменившем эту организацию Кир. РАПТе (1929—1932) неизменным руководителем пролетарских писателей Киргизии был А. Токомбаев, а ближайшими его сотрудниками в литературном творчестве и в борьбе против идеологических противников на арене критической публицистики являются: Джемарт Бокомбаев, Джусуп Турусбеков, Куваничбек, Маликов и Мукай Елебаев.

Поэт Дж. Бокомбаев (родившийся в 1910 г. и происходящий из батрацкой семьи, в 1935 г. уже окончивший Московский ГИЖ) выступил на литературную арену в 1927 г. с рядом стихотворений на тему о революционной земельной реформе (живым свидетелем которой поэт был в южной части Киргизии) и на прочие актуальные темы советской действительности.

В 1932 г. выходит в свет его первый сборник стихов «Плоды труда» и стихотворение-поэма «Алтын-Кыз» о трагической гибели комсо-

¹ Перевод Б. Поливановой.

молки в разоренном басмачами ауле.

В 1934 г. появляется второй сборник: «Черное золото и белое золото» (т. е. уголь и хлопок), и в 1935 г. — третий сборник: «Бей в бубен», где, как и в первых двух, поэт откликается на разнообразные актуальные темы советского строительства: коллективизация, социалистическое соревнование и ударничество, в частности ударная борьба за хлопок, переход кочевников к оседлому быту, культурной революции киргизского быта и, наконец, основная тема Бокомбаева — комсомол.

Джусуп Турсубеков известен прежде всего как драматург — своей пьесой «Аджал Ордуна» («Вместо гибели»), рисующей быт бедняков-киргиз в царское время и восстание 1916 года.

К. Маликову принадлежит сборник стихов и сборник рассказов (на темы колхозного строительства и комсомола).

М. Елебаев является представителем крупной повествовательной формы: ему принадлежит роман «Длинный путь» — из дореволюционного киргизского быта.

Таковы главные фигуры первого поколения советских писателей Советской Киргизии. Им подготавливается уже смена в лице многочисленного ряда начинающих писателей и поэтов: Шамшиева, Джумашева и других.

Рассмотрим одно из стихотворений А. Токомбаева.

Насколько органически творчество Токомбаева связано с жизнью и борьбой комсомола, с тематикой сегодняшнего дня, видно, хотя бы из стихотворения «От имени Мюда».

В колонны победные стройся,
Боевые ряды подсчитывай!
Молодежь, неустанно готовься
Походом итти испытанным.

Токомбаев разворачивает широкое полотно нашей стройки, показывает грандиозные промышлен-

ные центры, выросшие на Донбассе, Урале и т. д., мощные электростанции, каналы Беломор, Москва — Волга. Он показывает, как страна из отсталой крестьянской превратилась в индустриальную, как «раздробленные хозяйства избрали путь колхозов», как «пустыни и реки покорились героям стройки»:

Гор крутых и бешеных вод
Завоевана древняя сила,
Даже дикость пустынь и степей
Пятилетка оплодотворила.

Автор называет нашу страну — страной молодости, которая даже «стариков делает молодыми и превращает в энтузиастов». Токомбаев показывает, как комсомол, закалившись в классовый борьбе,

В жестокой борьбе классовой
Комсомол отстоял свое звание,

овладевает высотами науки и техники.

События на Востоке и Западе находят горячий отклик в творчестве поэта. Токомбаев говорит о героической борьбе трудящихся Китая, о фашизме, о военной опасности.

Он показывает, как растет армия комсомольцев:

Молодая растет армия,
Пролетарии всех наций,
На обонх земных полушариях
У китайцев и американцев.

Он призывает молодежь встать под знамя Коминтерна, быть готовыми к решительной схватке с фашизмом.

Яркие, горячие строки посвящены вождю мирового пролетариата товарищу Сталину («Командарм Сталин») и великой армии большевиков.

Есть ли крепость на свете
Неприступная для большевиков?
Есть ли в мире другая армия
Сильнее армии большевиков? —

спрашивает поэт и отвечает.

Нет, таких крепостей нет!
Нет на свете другой такой армии!

Большой интерес представляет последняя, вышедшая в свет в 1935 г., самая крупная работа А. Токомбаева, являющаяся в то же время крупнейшим явлением революционной киргизской литературы вообще: это — первый том романа в стихах «Канду джылдар» — «Кровавые годы».

Темой романа служит киргизское восстание 1916 года. Возможно, что некоторым из отраженных в романе историческим фактам киргизского восстания автор дал не вполне правильную трактовку. Дело критики в ближайшее же время указать эти отклонения от правильной исторической линии. Но отклонения эти, если они будут обнаружены, отнюдь не отнимут у «Кровавых годов» занятого ими места — крупнейшего из киргизских литературных явлений революционной эпохи. В качестве иллюстрации этого ценнейшего произведения, в котором А. Токомбаев показывает себя как уже вполне созревшего поэта, мастерски овладевшего поэтической формой стихотворного романа (об этом можно судить уже по 1 части). Приводим здесь самое начало — начало первой главы «Кровавых годов» — в вольном авторизованном переводе.

Вдруг появился в зале
В мундир затянутый пристав.
Баи и аксакалы с чинным «саламом»
встали,
В общем итоге поклонов отвесив
триста.

Адски суровым взором обвел всех,
«Алейкум, почтенные!» — буркнул,
Подумав: «Ответ мой по вкусу пришелся:

Должно, считают меня уж турком!».
И брякнул: «Всех на работы казенные

Приказ есть поставить,
Списки всем поименные
Должны волостные представить».

И тотчас свое приказание
Велел перевести толмачу,
Для поощрения иль в назидание
Хлопнув его по плечу.

И тут переводчик речистый

Долго в уме повторяет:
«Так, значит... его благородие пристав
Список дать приказал»:
Затем переводит. Готово!
Все ясно от слова до слова.

* * *

Молчат все баи в оцепенении:
Всем им дала судьба ум —
Знают отлично, что возражений
Не любит пристав Польшаум.
Вдруг изумлением наполнился зал —
Смело поднялся один аксакал,
Видом почтенен и возрастом стар:
Это — дунганин Магуй Булар.
Учтиво склонилась его голова,
И коротко из уст его лились слова,
Но тверд и бесстрашен был этот
старик,

Спокойно в глаза всем смотреть привык,
Вот что в своей изложил он речи:
Проклятым буду в дунганском народе я,
Если я вашему дам благородию
Списки пригодных к работе мужчин!
Не для того наш народ из Китая,
Ища у России защиты, бежал,
Чтобы его, ваш приказ выполняя,
На ишачью работу погнал аксакал.
Унижения рабства, насилье —
Видели мы и в Китае,
И теперь вас просит дунганский народ —
На работы не брать насильно:
К окопным работам, доложу вам почти-
тельно,

Наш непривычен народ,
И на рытье окопов, поверьте, решительно

Никто из дунган не пойдет!».
В лице изменился пристав:
Вдруг что-то пришло ему на ум,
И неожиданно быстро

Полез в свой карман Польшаум.

Он вынул, вместе с наганом,
Белой бумаги листок:

Губернатора телеграмма
Из таких состояла строк:

«Приказу № 140

Ослушники будут, наверное,
Действуя строго и скоро,
Под стражей их в город Верный
Отослать в кандалах!»

«Итак — заковать его следует!

А что с ним дальше последует,
Про это решает лишь аллах
И сам генерал-губернатор!»

Целый ряд стихотворений А. Токомбаева посвящен величайшим вождям нашей эпохи: товарищам Ленину и Сталину. Нет ни одного

из пролетарских поэтов Киргизии, кто бы не писал о тех,

Чье имя в ста тысячах рифм
На устах у ста тысяч поэтов.
Маяком коммунизма горит.

Читатель может ознакомиться с тем, что сказала советская литература Киргизии о двух величайших людях нашей эпохи по книге, выпущенной Киргосиздатом (на русском языке) — «Ленин и Сталин в киргизской литературе».

ХРОНИКА

ПОДГОТОВКА К ПУШКИНСКИМ ДНЯМ В УЗБЕКИСТАНЕ

Пушкинская юбилейная республиканская комиссия ведет большую подготовительную работу к юбилейным дням.

Главное внимание обращено на работу по переводу произведений Пушкина на узбекский язык. До сих пор узбекский читатель, из огромной сокровищницы творчества величайшего русского поэта знал только «Капитанскую дочку» и «Станционного смотрителя», да и то в слабом переводе.

Сейчас впервые переводятся поэтические и драматические произведения Пушкина и заново перерабатываются переводы прозы. Узбекский прозаик **Абдулла Кахар** работает над переводами «Капитанской дочки», «Дубровского» и «Станционного смотрителя». Поэт **Айбек** перевел «Евгения Онегина». **Хамид Алимджан** перевел «Кавказского пленника» и «Русалку». Поэт **Усман Насыр** работает над переводом «Бахчисарайского фонтана». **Темир Фаттах** переводит «Цыган». Поэт **Эльбек** — сказки Пушкина.

Из драматических произведений кроме «Русалки» переводятся «Мозарт и Сальери» (перевод **Шейх-Заде**) и «Борис Годунов» (перевод **Чолпана**).

Наконец узбекский читатель познакомятся и с лучшими образцами лирики Пушкина и его общественно-политических стихотворений в

переводе поэта **Шейх-Заде**: «Чаадаеву», «Послание в Сибирь», «Деревня», «Узник», «Анчар», «Поэт», «Эхо», «Вновь я посетил», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный», «Осень», «Брожу ли я вдоль улиц шумных», «Для берегов отчизны дальней», «Зимний вечер».

Произведения Пушкина будут изданы на лучшей бумаге. Некоторые из них будут иллюстрированы, («Евгений Онегин», «Борис Годунов», сказки).

Большое затруднение представляет вопрос об издании популярной биографии Пушкина.

Театры отметят столетие со дня смерти поэта постановкой пушкинских драматических произведений. Узбекский академический театр им. Хамза наметил к постановке «Бориса Годунова». Русский драматический театр возобновляет постановку этой же пьесы. Театр им. Свердлова ставит оперу «Сказка о царе Салтане» и балет «Бахчисарайский фонтан», а также возобновляет старые постановки («Мазепа», «Пиковая дама», «Евгений Онегин»). В Тюзе и Граме будут проведены пушкинские вечера (музыка, пение, чтение драматических отрывков и стихов).

Такие же пушкинские вечера будут организованы в театрах на периферии и в клубах. В помощь клубам будут созданы артистиче-